
МЕЖДУНАРОДНЫЕ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ УГОЛОВНОЙ ЮСТИЦИИ

INTERNATIONAL AND CONSTITUTIONAL BASIS OF CRIMINAL JUSTICE

Научная статья

УДК 343.233.3

EDN VGZEEF

DOI 10.17150/2411-6122.2023.3.17-25

Необходимая оборона: проблемные аспекты теории и практики, пути совершенствования законодательства России

Я.В. Гармышев[✉], В.С. Ишигеев

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Автор, отвечающий за переписку: Гармышев Я.В., garmyv@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы содержания и сущности условий необходимой обороны в современных условиях правового регулирования. Обосновывается необходимость разработки алгоритма правовой оценки необходимой обороны в системе обстоятельств, исключающих преступность деяния при защите объектов уголовно-правовой охраны. На основе теоретических концепций и анализа материалов судебной практики, рекомендаций Пленума Верховного суда России особое внимание уделено в определении дискуссионных вопросов, связанных с применением положений ст. 37 Уголовного кодекса России при установлении уголовно-правовых запретов. Определяется эффективность соответствующих уголовно-правовых норм отечественного уголовного законодательства при реализации прав граждан на защиту от преступных посягательств, формулируются выводы по критериям правомерности необходимой обороны и превышения ее пределов, а так же рассмотрены отдельные вопросы отграничения от смежных составов преступлений.

Ключевые слова: квалификация преступлений, необходимая оборона, преступление, причинение вреда, превышение пределов необходимой обороны.

Для цитирования: Гармышев Я.В. Необходимая оборона: проблемные аспекты теории и практики, пути совершенствования законодательства России / Я.В. Гармышев, В.С. Ишигеев. — DOI 10.17150/2411-6122.2023.3.17-25. — EDN VGZEEF // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2023. — № 3. — С. 17–25.

Original article

Necessary Defense: Problematic Aspects of Theory and Practice, Ways of Improving the Russian Legislation

Ya.V. Garmyshev[✉], V.S. Ishigeyev

Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation

Corresponding author Ya.V. Garmyshev, garmyv@mail.ru

Abstract. The authors examine the contents and essence of the conditions for necessary defense in the modern legal regulatory environment. They prove that it is necessary to develop an algorithm for the legal assessment of necessary defense in

the system of circumstances that exclude the criminal character of the action aimed at defending the objects of criminal law protection. Theoretical concepts, court materials, and the recommendations of Plenary sessions of the Supreme Court of Russia are analyzed with special attention to the definition of debatable issues connected with the enforcement of the clauses of Art. 37 of the Criminal Code of Russia when setting criminal law prohibitions. The authors define the effectiveness of the corresponding criminal law norms in Russian criminal legislation for enforcing the rights of citizens to protection against criminal infringements, formulate conclusions for the criteria of the lawfulness of necessary defense and of exceeding its limits, and examine specific issues of distinguishing it from the adjacent criminal offences.

Keywords: qualification of crimes, justifiable defense, crime, infliction of harm, exceeding the limits of necessary defense.

For citation: Garmyshev Ya.V., Ishigeyev V.S. Necessary Defense: Problematic Aspects of Theory and Practice, Ways of Improving the Russian Legislation. *Sibirskie Ugolovno-Processual'nye i Kriminalisticheskie Chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2023, no 3, pp. 17–25. (In Russian). EDN: VGZEEF. DOI: 10.17150/2411-6122.2023.3.17-25.

В Российской Федерации, которая в контексте правовой системы входит в римско-германскую правовую семью, презюмируется обязанность государства по обеспечению стандартов безопасности прав личности. Необходимая оборона, как один из институтов уголовного права, играет важную социальную роль, поскольку создает условия для реализации гражданами неотъемлемого права на защиту жизни, здоровья, других благ и законных интересов личности, общества и государства от преступных посягательств. С одной стороны, она является одной из составляющих гарантий реализации конституционного права граждан на самозащиту, а с другой, будучи инструментом защиты, не только личных, но также общественных и государственных интересов, выступает активным средством борьбы с преступностью [1; 2].

Отдельными исследователями определено, что право граждан на реализацию необходимой обороны предопределено уже с рождения и реализуется «субъектом уголовного права объективно, непосредственно и удовлетворяет потребность в самосохранении и безопасных условиях существования, исходящих из природы человека» [3,

с. 14]. В этой связи, институт необходимой обороны — это важнейший элемент защиты прав человека.

Вместе с тем, следует отметить, что в современной практической деятельности нередко возникают отдельные вопросы в определении правовой характеристики в реализации анализируемого института: на практике это приводит к «необоснованному привлечению к уголовной ответственности лиц, применивших меры защиты, где практические работники часто подстраховываются и возбуждают уголовное дело по статьям о превышении пределов необходимой обороны либо по нормам, предусматривающим ответственность за причинение вреда здоровью либо за убийство» [4, с. 63]. В научной литературе так же указывается, что «люди не столько боятся встречи с правонарушителем, сколько дальнейшего разбирательства» [5, с. 137].

Судебная практика так же имеет заметную тенденцию к росту по осуждению лиц, чьи действия по причинению вреда возникали в условиях реализации ст. 37 УК РФ. Так, в соответствии со статистикой Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, за 2021 г. по ст. 108 УК РФ

(убийство, совершенное при превышении необходимой обороны) были осуждены 248 чел. (оправдан только 1), 28 лиц были осуждены к лишению свободы (из них 15 приговорены к реальному сроку). По ст. 114 УК РФ (причинение тяжкого или среднего вреда здоровью при превышении необходимой обороны) осуждены 418 чел. (оправдательных приговоров не было), 53 лицам было назначено наказание, связанное с лишением свободы¹.

Совершение анализируемых преступлений отнесено к обстоятельствам, исключающим преступность деяния. Правовой основой правомерно причиняемого вреда определены нормы гл. 8 УК РФ о необходимой обороне и их назначение «сводится к регулированию разрешения разнообразных общественных конфликтов, что особенно актуально при дифференциации и множественности социальных интересов в современном российском обществе» [6, с. 96].

Смысловое содержание норм института необходимой обороны «должно характеризоваться при помощи категории, включающей в себя те объемы реальности, разрешение которых допускается социумом посредством противоправного деяния, известной нраву и нормотворчеству» [там же].

Таким образом, главным образом, при разрешении дел в вопросе необходимой обороны, необходимо комплексно определять факт действительности, своевременности и соразмерности условий ее применения.

Распространенной в теории права является точка зрения, что необходимая оборона возможна только от общественно опасных посягательств, нарушающие уголовно-правовые запреты, однако

есть и иной подход, где она допускается и против административных деяний [7, с. 56]. Представляется, что категорию «общественная опасность» нужно понимать не сколько через призму признаков преступления, а в контексте «вредности» как показатель общественной опасности, следовательно, необходимая оборона возможна против любых общественно опасных деяний.

Достаточно интересен вопрос «об отсутствии правомерности необходимой обороны при защите от преступного бездействия или неосторожных деяний» [8, с. 288]. Полагаем, что признаком анализируемого института следует признать нападение, а в вышеуказанных ситуациях подходят нормы о крайней необходимости.

На сегодняшний день относительно неприкосновенности жилища высказываются предложения об «установлении допустимости любых оборонительных действий в случае насильственного вторжения» [9, с. 18]. Так 12 мая 2022 г. в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации был внесен законопроект № 122117-8 «О внесении изменения в статью 37 Уголовного кодекса Российской Федерации», где в пояснительной записке к указанному законопроекту определено: «...учитывая недостаточную эффективность применения положения части первой статьи 37 УК РФ, не учитывающего места посягательства, в случаях защиты граждан от сопряженных с насилием или угрозой насилия посягательств при незаконном проникновении в жилище, полагаем, что целесообразно предоставить гражданам право всеми способами защищать свою жизнь и своих родных и близких от любого преступного посягательства лиц, незаконно проникающих в жилище, то есть законодательно закрепить принцип

¹ Судебная статистика РФ [эл.ресурс] // URL: <https://stat.ami-npccp.pf/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения 15.05.2023 г.).

«мой дом — моя крепость»². Однако ознакомление с данным законопроектом, создает немало вопросов, среди которых: каковы пределы «проникновения в жилище», с какого момента таковое считается состоявшимся и возможность применения самого термина «жилище», содержащегося в примечании к ст. 139 УК РФ для правил необходимой обороны? С учетом положения теории права и судебной практики представляется, что обороняющийся должен дожидаться проникновения на территорию именно жилища, а потом уже необходимо дать оценку с позиции насилия опасного для жизни и только после принимать меры к нападающему, не задумываясь о соразмерности причиняемого вреда.

Признак действительности является «ключевым условием, отграничивающим необходимую оборону от мнимой, когда оборонительные действия направляются в отношении лица, поведение которого ошибочно воспринимается как общественно опасное деяние, хотя оно объективно таковым не являлось. Юридический анализ отраслевого законодательства позволяет сделать вывод, что мнимая оборона, не являясь уголовно-правовой категорией, не предусмотрена положениями УК РФ» [1, с. 285].

Так, например, гражданин М. был осужден по ч. 1 ст. 109 УК РФ, который вечером, услышав лай собаки, взял с собой огнестрельное оружие, вышел на приусадебную территорию, посмотреть, в чем дело. На территории своего земельного участка увидел двигающуюся тень от человека, которого попросил незамедлительно удалиться, чего

потерпевшей стороной не было сделано. Незнакомцем как оказался, был его сосед по дому, находившийся в состоянии алкогольного опьянения, которому в связи с возникшей ситуацией было причинено смертельное ранение. Однако в ходе производства по уголовному делу М. так и не мог вспомнить, как он произвел выстрел. Первоначально органы следствия квалифицировали дело по ч. 1 ст. 108. УК РФ, а уже потом по вышеуказанной статье³.

Данный пример наглядно показывает, что на практике достаточно часто присутствует подход в оценке события, не учитывающий в полной мере причин возникновения предшествующих событий, иные доказательства по делу. Получается, что при разбирательстве дела практические работники перекладывают бремя доказывания на вышестоящие инстанции, не придавая должного значения своим решениям, существенно влияющим на основополагающие права и законные интересы граждан и «при таком подходе Верховный Суд РФ, несмотря на высокую загруженность делами, действительно сложными с точки зрения правильной квалификации, вынужден также исправлять ошибки правоприменительных органов, обусловленные некачественной работой последних» [4, с. 63].

В контексте определения условий правомерности в ситуации мнимой обороны совершенно справедливо предлагается отдельными исследователями дополнить ст. 37 УК РФ следующим содержанием: «22. Действия лица, причинившего вред в состоянии мнимой обороны, т.е. когда общественно опас-

² О внесении изменения в статью 37 Уголовного кодекса Российской Федерации (в части уточнения пределов необходимой обороны) : Законопроект № 122117-8 [эл.ресурс] // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/122117-8> (дата обращения 15.05.2023 г.).

³ Материалы уголовного дела № 1–57/2014 по обвинению М. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 109 УК РФ // Архив Куйбышевского районного суда г. Иркутска, 2014 г.

ное посягательство отсутствовало в реальной действительности, оцениваются по правилам фактической ошибки» [1].

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 19 определен показатель условий при превышении пределов обороны: «явное несоответствие характеру и степени опасности посягательства» [7, с. 83]. В науке уголовного права отмечается, что «каких-либо четких критериев явного, очевидного несоответствия защиты характера и опасности посягательства ни закон, ни судебная практика не дают» [там же]. Следует еще раз указать на то обстоятельство, что «законодатель исходит из презумпции того, что причинение вреда при отражении посягательства или иной угрозы объектам уголовной охраны осуществляется лишь с положительной или извинительной мотивацией» [10; 6].

В теории уголовного права на сегодняшний день существует множество мнений по поводу установления критериев превышения пределов обороны. Так, определено, что «в каждом конкретном случае необходимо устанавливать наличие или отсутствие превышения пределов необходимой обороны, исходя из комплекса обстоятельств, имеющих отношение к делу» [11; 12].

Учитывая анализ судебной практики, можно предположить, что следователи как участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения в соответствии с требованиями УПК РФ сконцентрированы на выявлении признаков состава преступления, не уделяют в должной мере внимания особенностям обстановки. Как следствие, «довольно распространенной является практика признания следствием потерпевшими тех нападавших, которым в процессе обороны причинены серьезные повреждения, а в процессуальных документах они именуется именно

потерпевшими со всеми вытекающими из этого правовыми последствиями» [1, с. 112]. Между тем, в соответствии со ст. 42 УПК РФ потерпевшим признается лицо, которому преступным деянием причинен вред.

Такой подход в судебной практике занижает показатель общественной опасности противоправных посягательств, не учитывая в полной мере элементов деяния преступников. Полагаем, что судья при рассмотрении дела должен более тщательно и внимательно подходить к изучению собранных по делу доказательств и не относиться к обороняющемуся строже, чем к лицу, совершившему посягательство, ведь первоначально именно нападавший виновен в причинении ему того или иного вреда.

В этой связи в теории права предлагается следующая формулировка превышения пределов необходимой обороны — это умышленное избрание обороняющимся от общественно опасного посягательства, указанного в части второй настоящей статьи, лицом таких способов, средств и (или) орудий защиты, применение которых явно, очевидно для обороняющегося не вызывалось характером и опасностью посягательства, когда посягавшему без необходимости умышленно был причинен тяжкий вред здоровью или смерть» [13; 14]. Кроме этого, вполне возможна и рекомендация на примере судебной практики, когда в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ будут указаны «типичные случаи, при которых обороняющееся лицо, не задумываясь, может причинить «первоначальному» посягателю на охраняемые законом интересы любой вред, так как первым нарушен закон и возникли ответные действия обороняющегося» [14, с. 35].

Достаточно актуальный вопрос так же касается использования граждана-

ми огнестрельного оружия при необходимой обороне, в связи с чем следует констатировать, что преступники в современных условиях часто вооружены, а законопослушные граждане фактически поставлены в неравные условия с представителями криминального мира. Следует учитывать то общеизвестное обстоятельство, что определенным сдерживающим фактором совершения преступления является страх вооруженного противодействия ему. Именно поэтому некоторые исследователи высказываются о целесообразности на законодательном уровне предоставить право «гражданам иметь в качестве огнестрельного оружия самообороны пистолеты и револьверы. Реализация данного положения в сфере защиты гражданами своих прав ослабило бы зависимость гражданина от государства при противодействии преступности» [15 с. 183, 16, с. 123]. Представляется, что вышеуказанный подход имеет право на существование, однако отечественному законодателю необходимо будет оперативно решить вопрос по условиям свободной продажи гражданам оружия, что в текущих условиях, учитывая менталитет отечественных граждан, пока маловероятно. Кроме этого, как справедливо отмечает К.В. Дядун, «в таких случаях законопослушный гражданин, отражающий нападение, — не просто нарушитель, а вооруженный нарушитель; необходимо будет изменить правоприменительный подход к праву граждан на необходимую оборону, и лишь после этого можно говорить об усовершенствовании законодательства» [4, с. 65]. В теории уголовного права имеется так же и иной подход относительно проблемы использования гражданами оружия, которое может находиться у них незаконно, где предлагается их освободить от ответственности по ст. 222 УК РФ, если огнестрельное оружие ис-

пользовалось при защите прав личности [17, с. 7, 18, с. 24]. Представляется, что данная точка зрения не приемлема в целях уголовно-правового регулирования норм-запретов отечественного уголовного законодательства, когда не будет учитываться факт нелегального владения оружием гражданами, не установленного до реализации права на оборону. Более того, такой подход нарушил бы системность уголовного законодательства.

Определенные вопросы в теории и на практике вызывают критерии разграничения преступления, совершенного в состоянии аффекта, и превышения пределов необходимой обороны, поскольку обе указанные категории являются оценочными.

В целях надлежащего разграничения указанных понятий в юридической литературе доминирующее значение придается субъективным элементам деяния, а также предлагается, критерием их разграничения рассматривать факт завершенности посягательства со стороны потерпевшего, характер насилия, примененного потерпевшим [4; 19].

Достаточно интересным представляется следующий подход: при превышении пределов необходимой обороны и отграничении от преступления, совершенного в состоянии аффекта предлагается, что к оборонявшемуся лицу применяются элементы наказания смягчающего характера. Высказанное предложение достаточно дискуссионное, так как в судебной практике рекомендовалось судам самостоятельно определять состояние аффекта, а не устанавливать это при помощи производства судебной экспертизы. Полагаем, так же, что в подобной ситуации главным фактором следует рассматривать «основную» его причину: защиту от посягательства. Именно поэтому в абз. 2 п. 15 Постановления Пленума

Верховного Суда РФ № 19 справедливо указано, что применяются положения ч. 1 ст. 108 или ч. 1 ст. 114 УК РФ, а в целом, как правильно указывается в теории права, что в правоприменении при квалификации преступных деяний нужен комплексный подход [20, с. 55].

Таким образом, рассмотрев уголовно-правовой механизм необходимой обороны, можно прийти к следующим выводам. Во-первых, несмотря на достаточное внимание законодателя в последнее время к анализируемому институту негативным фактором в текущих условиях служит достаточно часто встречающаяся «обвинительная» судебная практика в отношении обороняющихся лиц, что связано с особым

характером деяний такого рода и необходимо комплексно определять факт действительности, своевременности и соразмерности условий ее применения. Во-вторых, необходимо было бы определить временные границы правомерной защиты. В-третьих, основанием права на необходимую оборону является противоправное и общественно опасное посягательство в форме действия. В-четвертых, когда совершается посягательство насильственного характера, касающееся, в первую очередь, неприкосновенности жилища, то возможности обороняющегося по поводу защиты должны быть расширены в контексте субъективных оценок обороняющегося лица.

Список использованной литературы

1. Акимочкин В.И. Мнимая оборона или фактическая ошибка: сравнительно-правовой анализ / В.И. Акимочкин. — EDN WMEJHO // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. — 2019. — № 3. — С. 283–290.
2. Кравченко И.О. Либерализация и гуманизация уголовно-правовой политики / И.О. Кравченко. — DOI 10.17150/2500-4255.2021.15(5).565-577. — EDN SANNGU // Всероссийский криминологический журнал. — 2021. — Т. 15, № 5. — С. 565–577.
3. Меркурьев В.В. Состав необходимой обороны / В.В. Меркурьев. — Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2004. — 214 с. — EDN QWESKP.
4. Дядюн К.В. Проблемные вопросы института необходимой обороны / К.В. Дядюн. — EDN SZNFUX // Законодательство. — 2013. — № 1. — С. 62–70.
5. Зубарева К.В. Насилие в семье как основной показатель при квалификации / К.В. Зубарева, А.А. Бадуртдинов, А.М. Васильев. — DOI 10.23670/IRJ.2020.96.6.140. — EDN DTVEXU // Международный научно-исследовательский журнал. — 2020. — № 6-4. — С. 137–141.
6. Михайлов В.И. Защита интересов личности, общества и государства от преступных посягательств и иных угроз: проблемы правоприменения / В.И. Михайлов. — DOI 10.12737/7546. — EDN TIZEVH // Журнал российского права. — 2015. — № 2. — С. 91–101.
7. Орехов В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния / В.В. Орехов. — Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2003. — 217 с.
8. Афиногенов С.В. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / С.В. Афиногенов, Л.Д. Ермакова, Б.В. Здравомыслов; ред. Б.В. Здравомыслов. — Москва : Юристъ, 1996. — 509 с.
9. Свило С.М. Необходимая оборона: проблемные аспекты и пути совершенствования / С.М. Свило. — EDN ATARFC // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. — 2019. — № 2. — С. 17–23.
10. Выштыкалюк А.М. Мнимая оборона как разновидность фактической ошибки / А.М. Выштыкалюк. — DOI 10.18411/lj-06-2021-202. — EDN VBMBBM // Тенденции развития науки и образования. — 2021. — № 74-6. — С. 30–34.
11. Бородин С.В. Преступления против жизни / С.В. Бородин. — Москва : Юристъ, 1999. — 356 с.

12. Босхолов С.С. Криминологическая безопасность как идейная основа теории и практики противодействия преступности / С.С. Босхолов. — DOI 10.17150/2411-6262.2021.12(3).30 // *Baikal Research Journal*. — 2021. — Т. 12, № 3. — URL: <http://brj-bguer.ru/reader/article.aspx?id=24667>.

13. Никуленко А.В. Обстоятельства, исключющие преступность деяния: концептуальные основы уголовно-правовой регламентации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / А.В. Никуленко. — Санкт-Петербург, 2019. — 47 с.

14. Никуленко А.В. Вопросы квалификации превышения пределов необходимой обороны / А.В. Никуленко, М.В. Смирнов. — DOI 10.18572/1812-3783-2020-11-32-36. — EDN NKSSLP // *Российский следователь*. — 2020. — № 11. — С. 32–36.

15. Федосова Е.Ю. Необходимая оборона в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е.Ю. Федосова. — Москва, 2006. — 207 с.

16. Трунов И.Л. Гражданское оружие правозащиты / И.Л. Трунов // *Право и политика*. — 2004. — № 7. — С. 121–125.

17. Неврев А.В. Проблемы использования гражданами оружия при необходимой обороне / А.В. Неврев // *Адвокатская практика*. — 2001. — № 3. — С. 7–9.

18. Питецкий В.В. Уголовно-правовое значение автоматически срабатывающих средств при осуществлении права на необходимую оборону / В.В. Питецкий. — EDN MRDCSW // *Российская юстиция*. — 2011. — № 7. — С. 18–21..

19. Ишигеев В.С. Нравственность в оперативно-розыскной деятельности в борьбе с преступностью / В.С. Ишигеев, А.В. Пузикова. — EDN XIEWNO // *Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения*. — 2021. — № 2. — С. 111–118.

20. Фаргиев И. Состояние аффекта и превышение пределов необходимой обороны. Вопросы разграничения составов / И. Фаргиев // *Российская юстиция*. — 2001. — № 1. — С. 55–56.

References

1. Akimochkin V.I. Imaginary Defense or Factual Error: Comparative Legal Analysis. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta = Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 2019, no. 3, pp. 283–290. (In Russian). EDN: WMEJHO.

2. Kravchenko I.O. Liberalization and Humanization of Criminal Law Policy. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2021, vol. 15, no. 5, pp. 565–577. (In Russian). EDN: SANNGU. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(5).565-577.

3. Merkur'ev V.V. *Features of Necessary Defense*. Saint Petersburg, Yurid. tsentr Press Publ., 2004. 214 p. EDN: QWECKP.

4. Dyadyun K.V. The Controversial Issues of Self-defense Institution. *Zakonodatelstvo = Legislation*, 2013, no. 1, pp. 62–70. (In Russian). EDN: SZNFUX.

5. Zubareva K.V., Badurtdinov A.A., Vasil'ev A.M. Domestic Violence as the Principal Indicator for Qualifications. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal = International Research Journal*, 2020, no. 6-4, pp. 137–141. (In Russian). EDN: DTVEXU. DOI: 10.23670/IRJ.2020.96.6.140.

6. Mikhailov V.I. Protection of Interests of Personality, Society and State against Criminal Intrusions and Others Threats: Problems of Enforcement. *Zhurnal rossiyskogo prava = Russian Law Journal*, 2015, no. 2, pp. 91–101. (In Russian). EDN: TIZEVH. DOI: 10.12737/7546.

7. Orekhov V.V. *Necessary Defense and Other Circumstances Precluding the Criminal Character of the Action*. Saint Petersburg, Yurid. tsentr Press Publ., 2003. 217 p.

8. Afinogenov S.V., Ermakova L.D., Zdravomyslov B.V., Karaulov V.F.; Zdravomyslov B.V. (ed.) *Criminal Law of the Russian Federation. General Part*. Moscow, Yurist Publ., 1996. 509 p.

9. Svilo S.M. Justifiable Defense: Problem and Ways of Improvement. *Voprosy kriminologii, kriminalistiki i sudebnoi ekspertizy = Issues of Criminology, Forensics and Forensic Examination*, 2019, no. 2, pp. 17–23. (In Russian). EDN: ATARFC.

10. Vyshtykalyuk A.M. Imaginary Defense as a Type of Factual Mistake. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya = Trends in the Development of Science and Education*, 2021, no. 74-6, pp. 30–34. (In Russian). EDN: BMBBMM. DOI: 10.18411/lj-06-2021-202.

11. Borodin S.V. *Crimes against Life*. Moscow, Yurist Publ., 1999. 356 p.
12. Boskholov S.S. Criminological Security as the Ideological Basis of the Theory and Practice of Counteracting Crime. *Baikal Research Journal*, 2021, vol. 12, no. 3. (In Russian). DOI: 10.17150/2411-6262.2021.12(3).30.
13. Nikulenko A.V. *Circumstances Excluding the Criminal Character of the Action: Conceptual Basis of Criminal Law Regulation*. *Doct. Diss. Thesis*. Saint Petersburg, 2019. 47 p.
14. Nikulenko A.V., Smirnov M.V. Issues of Qualification of Exceeding of Justifiable Defense Limits. *Rossiiskii sledovatel = Russian Investigator*, 2020, no. 11, pp. 32–36. (In Russian). EDN: NKSSLP. DOI: 10.18572/1812-3783-2020-11-32-36.
15. Fedosova E.Yu. *Necessary Defense in Russian Criminal Law*. *Cand. Diss.* Moscow, 2006. 207 p.
16. Trunov I.L. Civilian Weapons of Human Rights Protection. *Pravo i politika = Law and Politics*, 2004, no. 7, pp. 121–125. (In Russian).
17. Nevrev A.V. Problems of the Use of Weapons by Citizens for Necessary Defense. *Advokatskaya praktika = Advocate's Practice*, 2001, no. 3, pp. 7–9. (In Russian).
18. Pitetskii V.V. Criminal Law Meaning of Automatic Devices When Exercising a Right to Necessary Defense. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2011, no. 7, pp. 18–21. (In Russian). EDN: MRDCSW.
19. Ishigeev V.S., Puzikova A.V. Ethics of the Investigative Activities in the Fight against Crime. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2021, no. 2, pp. 111–118. (In Russian). EDN XIEWNO.
20. Fargiev I. State of Affect and Exceeding the Limits of Necessary Defense. Issues of Delineating Crimes. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2001, no. 1, pp. 55–56. (In Russian).

Информация об авторах

Гармышев Ярослав Владимирович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Институт юстиции, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, garmyv@mail.ru.

Ишигеев Владимир Степанович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Институт юстиции, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, vladimir.ishigeev@mail.ru.

Authors Information

Garmyshev, Yaroslav V. — Ph.D. in Law, Ass. Professor, Chair of Criminal Law and Criminology, Institute of Justice, Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation, garmyv@mail.ru.

Ishigeyev, Vladimir S. — Doctor of Law, Professor, Chair of Criminal Law and Criminology, Institute of Justice, Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation, vladimir.ishigeev@mail.ru.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the Authors

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 27.02.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.04.2023

Принята к публикации / Accepted 29.07.2023

Дата онлайн-размещения / Available online 30.08.2023